

Из-под ногтей, которые были вырваны прямо из плоти и мяса, быстро сочилась кровь. Пальцы оставили на черном лаковом наньму ясные царапины с красными следами.

— Ничего...

Сипло произнес он, хотя голос дрожал так, что почти не казался человеческим.

— Ничего, я спущусь к ней, я буду с ней...

Наша семья втроем воссоединится, больше никого не будет, больше никогда... будем вместе вечно-навсегда...

— Но вряд ли молодая госпожа думает так же, — внезапно ехидно заметил Се Юнь.

Фу Вэньцзе резко поднял голову, глаза готовы были вылезти из орбит, лицо побагровело:

— ...Что ты сказал?!

— Для молодой госпожи нет разницы между тобой и семьей Фу, погубившей ее. Более того, как ее муж, ты особенно ненавистен. Зачем ей хотеть тебя видеть?

Се Юнь свысока смотрел на онемевшего Фу Вэньцзе и с улыбкой произнес:

— Молодой хозяин поместья и сам в душе должен понимать: когда молодая госпожа лежала на родильном ложе, раздирая душу криками, кого она ненавидела больше всего в сердце? Когда она увидела своего ребенка — ни мальчика, ни девочку, лежащего, как чудовище, в луже крови бездыханным, кого она больше всего хотела убить, чтобы тот заплатил жизнью за ее дитя? Когда с полным нежеланием, но вынужденно испуская последний вздох, она любила ли тебя, не могла с тобой расстаться или же мечтала в живую откусить твое мясо, испить твою кровь и утащить тебя с собой в восемнадцатый уровень ада?

Дань Чао крикнул:

— Хватит!

— Когда в полночь сны возвращаются, и перед тобой является молодая госпожа.

Се Юнь, глядя в глаза Фу Вэньцзе, взглядом, полным проникающего в душу соблазна и злобы, продолжил:

— Она ли мило улыбается и говорит с тобой, добрая, добродетельная, скромная, поправляющая рукава и добавляющая благовония, или же умирает в муках на родильном ложе, смотря на тебя незакрытыми глазами?

— Заткнись! — резко крикнул Дань Чао. — Прекрати!

... Грудь Фу Вэньцзе сильно вздымалась, все его тело тряслось, как решето, а губа, которую он стискивал зубами, вдруг покрылась струйкой крови.

— Нет...

Его прерывистое дыхание звучало, как мехи, будто вся грудная клетка пропускала воздух со свистом.

— Это не так... не так...

— Не обманывай себя, оказавшись на пороге смерти, — мягко сказал Се Юнь. — Я лишь помогаю молодому хозяину поместья озвучить то, что ты и так всегда в глубине души понимал.

— Всегда понимал в глубине души.

Всегда...

В груди Фу Вэньцзе будто миллионы лезвий разрывали его на части, каждый кусочек плоти был изодран. В тот миг весь его разум сгорел в пламени невыносимой боли, даже глазницы налились кровью, став ужасающе алыми.

— Это не так... это не так! Заткнись, заткнись!

Фу Вэньцзе сжал кулаки, резко вскочил и, как бешеный тигр, бросился на Се Юня!

Меч Цисин Лунъюань с лязгом вышел из ножен. Дань Чао уже собирался броситься вперед, но в тот миг увидел, как Се Юнь неопишуемым движением ног легко сместился в сторону, уклонился, протянул руку и в момент, когда их разделял волосок, подобно падающему перышку, избежал атаки Фу Вэньцзе.

Такое изощренное и сложное движение в мгновение ока — если бы не увидеть это своими глазами, никто бы не поверил, что в мире действительно есть человек, способный на такое!

Дань Чао вскрикнул:

— Осторожно—!

Однако Се Юнь сделал вид, что не слышит.

В миг, когда они поравнялись, его пальцы уже коснулись снежного лотоса, который Фу Вэньцзе сжимал в ладони.

В тот же самый момент из туннеля впереди донеслись беспорядочные, шумные шаги.

[Свист—]

Легкий звук рассек воздух. Золотая стрела вылетела из темного туннеля и, брызнув кровью, пронзила плечо Фу Вэньцзе!

Внезапно вспыхнула неожиданная перемена, заставив застыть не только Дань Чао, но и Се Юня.

Затем огромная сила, вызванная золотой стрелой, отбросила Фу Вэньцзе, и он взлетел в воздух!

С оглушительным грохотом Фу Вэньцзе спиной ударился о каменную стену, а затем рухнул на землю. Кровь, словно из прорванной плотины, хлестнула, забрызгав все его тело.

В тот же момент шаги в туннеле приблизились, и несколько одетых в доспехи солдат личной охраны ворвались в подвал. Затем высокий мужчина с длинным луком в руках раздвинул толпу и вошел.

— Этот человек, покрытый пылью дорог, с суровым лицом, был не кто иной, как генерал

кавалерии Сяоцзи Юйвэнь Ху, скакавший на юг во главе войска!

Он окинул взглядом окружение, и, когда его взгляд упал на Дань Чао, в глазах мелькнуло нечто странное, но он быстро отвел взгляд, посмотрев на Се Юня:

— Ты... с тобой все в порядке?

Се Юнь не ответил ему, даже не удостоил его взглядом.

Начальник императорской гвардии медленно потер запястье, о которое ударился, когда Фу Вэньцзе отлетел. При свете огня его лицо было спокойным, губы сжаты. Спустя некоторое время, на глазах у всех, он тихо произнес:

— Ни на что не годен, только мешает...

Юйвэнь Ху сразу почувствовал, как в горле застрял комок, его выражение стало стыдливым и слегка раздраженным.

Но на этот раз он не успел ничего сказать, как вдруг из угла тайной комнаты донеслись глухие, низкие усмешки:

— Хе-хе, хе-хе...

Звук был настолько зловещим, что у всех одновременно пошли мурашки по коже. Подняв головы, они увидели Фу Вэньцзе, прислонившегося к стене, в руке у него была золотая стрела, которую он вырвал из собственного плеча.

Вид был ужасающим, но еще страшнее было то, что в руке он сжимал окровавленный снежный лотос!

— Не думал... не думал, что будет еще такой поворот...

Фу Вэньцзе поднес снежный лотос к глазам, рассматривая его, и на лице его появилась насмешливая улыбка:

— Я хотел утянуть Помесье Ковки Мечей с собой в могилу, но не думал, что в Чанъане найдется наследный принц из Восточного дворца, который ляжет под меня, так что оно того стоило—

— П-погоди! — Юйвэнь Ху вдруг прозрел и в отчаянии резко крикнул:

— Заткнись!

Но было уже поздно.

Фу Вэньцзе раскрыл рот, дрожащей рукой сжимая снежный лотос, и, казалось, вот-вот проглотит его!

Дань Чао и Юйвэнь Ху одновременно бросились вперед, желая выхватить снежный лотос, но сейчас это было точно бесполезно.

— Брови Се Юня слегка сдвинулись, рукав взметнулся к факелу.

В тот миг, когда Фу Вэньцзе собирался отправить цветок в рот, свет в подвале внезапно погас,

погрузив все в непроглядную тьму.

— Чжунвэнь...

В темноте внезапно прозвучал тихий, печальный женский голос, эхо его медленно растаяло, наполненное скорбью и тоской.

У всех присутствующих одновременно пошли мурашки по коже. Юйвэнь Ху вскрикнул:

— Кто здесь? Кто там?

— ...Чжунвэнь...

Движение Фу Вэньцзе замерло. Он, словно во сне, поднял голову, оглядываясь по сторонам, и пробормотал:

— Ваньцзюань... Ваньцзюань?

Дань Чао ясно услышал, как обращение «Чжунвэнь» донеслось со стороны Се Юня, стоявшего сзади, и сразу все понял — Чжунвэнь, должно быть, второе имя Фу Вэньцзе, и такое обращение, кроме особо близких людей, обычные люди не используют.

Как и следовало ожидать, в следующий момент раздался скрежет сжимающихся костяшек и быстрые шаги. Дань Чао почувствовал, как кто-то быстро прошел мимо него сзади и направился прямо к сундуку в углу подвала.

Подвал был обставлен как супружеские покои. Фу Вэньцзе спустил вниз все вещи, которыми Ваньцзюань пользовалась при жизни. В грушевом сундуке у туалетного столика, должно быть, хранилась одежда его покойной жены. Судя по характеру старой госпожи Фу, эти вещи покойницы наверняка сожгли бы, не оставив, но как Фу Вэньцзе мог с этим согласиться? Он, несомненно, тайком сохранил их там.

И действительно, раздался скрип открывающегося сундука, и следом одеяние с шуршанием развернулось в воздухе.

— Ваньцзюань?

Фу Вэньцзе, потеряв рассудок, бесцельно размахивал руками в воздухе:

— Это ты? Ты пришла повидаться со мной? Ты пришла забрать меня?

[С легким шорохом в углу тихо вспыхнул огонек трута.]

Дань Чао взглянул и остолбенел.

В глубокой, черной как тушь темноте та искорка пламени, словно светлячок, озаряла смутное, мерцающее сияние. У грушевого сундука женская фигура медленно поворачивалась. На ней был светло-алый халат, а за вышитой легкой вуалью смутно угадывались изящные очертания щеки.

Сиплые рыдания Фу Вэньцзе, словно ломающийся лед, медленно просочились в тишину:

— Ваньцзюань...

Все были шокированы до немоты, несколько солдат охраны застыли, как каменные изваяния. Ошеломленный взгляд Юйвэнь Ху быстро сменился сложным, невыразимым.

А Се Юнь был очень спокоен. На глазах у всех он направился к Фу Вэньцзе, его шаги были бесшумными, будто он плыл над землей.

— Не плачь, Чжунвэнь, — невозмутимо произнес он.

— Голос был мягким, тихим, хриплым и неразборчивым. Возможно, из-за того, что были зажаты акупунктурные точки около горла, он звучал тоньше, чем когда он притворялся «госпожой Лун», и на первый взгляд действительно на семь-восемь десятых походил на женский!

<http://bllate.org/book/15578/1387190>